

Черный котенок

Толстый

на кладбище дикарей

МАРИЯ НЕКРАСОВА

ЭКСМО

Мария Евгеньевна Некрасова

Толстый на кладбище дикарей

Серия «Толстый», книга 4

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145030

Некрасова М. Толстый на кладбище дикарей: Повесть : Эксмо-Пресс;

М.; 2007

ISBN 978-5-699-22866-9

Аннотация

Ох, не рад летним каникулам Саня Уткин – путешествие в компании тети и младшей сестры выдержит не каждый! Но разве это повод отлынивать от расследования? Ведь гора, на склоне которой они разбили лагерь, неспроста пользуется у местных жителей дурной славой. Рискнувшие остановиться здесь туристы исчезают при загадочных обстоятельствах, а из-под земли по ночам доносятся странные голоса. В дурацкую страшилку про «Кладбище дикарей» Саня не верит. Вот и оказывается вместе с верным крысом по кличке Толстый где-то в глубине пещерного лабиринта, без фонарика и ориентиров, зато под боком у спрятавшихся преступников...

Содержание

Глава I	4
Глава II	21
Глава III	33
Глава IV	42
Глава V	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мария НЕКРАСОВА ТОЛСТЫЙ НА КЛАДБИЩЕ ДИКРЕЙ

Глава I

Каникулы у черта на куличках

«Только чокнутый самоубийца может поехать на летние каникулы с тетей Музой. Представьте: у самого синего (пардон, черного) моря, ни ванной, ни телека, ни холодильника; до ближайшего человеческого жилья сорок минут пешком или час на машине! А теперь уезжаем еще дальше, вообще к черту на кулички...» – Тонкий трясся на заднем сиденье тетиного «Жигуля», разглядывая одинаково сухие кустики бессмертника за окном. Иногда он якобы случайно пихал бедром Ленку. Обычно сестренка не терпела фамильярностей, но тут понимала: дорога горная, крымская, вся из глины и песка, дрянь в общем, а не дорога. Станешь возникать – братец отмажется только так. Иногда для порядка она тоже пихала Тонкого в бок, шипела: «Ну Сань!», – или нарочито ворчала:

– Когда ж приедем-то?

Тетя Муза сидела за рулем, место рядом с ней пустовало, толкать ей было некого, и поэтому она одна сохраняла оперскую невозмутимость.

— Приедем, когда закупим продуктов и подыщем подходящее местечко, — отвечала она, не уточняя, когда именно это будет, может, через час, а может, к концу недели.

Тетя — старший оперуполномоченный — это что-то. Лучше тигренка завести. По крайней мере, знаешь, чего от него ждать, да и в клетке запереть можно. Этим летом в Крыму тетя (не без помощи Тонкого, разумеется) разоблачила банду браконьеров. Местные власти были благодарны и ей, и Сашке, а вот бабульки из ближайшей деревни, куда Тонкий ходил за фруктами, стали обходить тетю десятой дорогой (мало ли что). И фруктов больше не продавали.

Толстый, как всегда, сидел у Сашки на плече и щекотался усами. Он тоже внес немаленькую лепту в раскрытие дела браконьеров, но деревенские бабульки боялись его только за то, что он — крыса. Толстому норовили подкинуть крысиного яду, да еще подстрекали своих внуков устраивать по ночам крысиную охоту.

Всю еду и пресную воду давно оприходовали наглые ежики. Они приходили в палатку по ночам и, нисколько не стесняясь спящих хозяев, поедали все, что находили съедобным. Остался только бензин.

Тетя Муза лихо выкручивала руль по ухабистой горной дороге:

– Закупимся в городе и поедem искать другое место, чтобы никаких старушек вокруг.

Тонкий попытался представить себе такое место в Крыму: море, горы, поля... И ни души! Благодать! Если не считать, конечно, тети Музы. Собственно, Тонкий и уговорил тетю переехать подальше, потому что боялся за верного крыса. Он понимал, что тетя здесь ни при чем, но все равно злился.

– Как без старушек-то? – ворчал он со своего заднего сиденья. – Что ли, как робинзоны будем жить натуральным хозяйством? Или каждый день в город мотаться два часа?

– Нам через неделю уже в Москву, – отрубила тетя. – Закупим продуктов побольше – и все дела. А если не хватит – сходишь пешочком.

Тонкий прикусил язык. Для тех, кто не знает тетю Музу: про пешую прогулку до города она не шутила.

За окном пробегали чинары. Ленка злобно вертела в руках бесполезный плеер – батарейки давно сели, и чудо техники могло быть использовано только в качестве кирпича для их будущего робинзонского домика. Толстый уснул у Сашки на коленях.

Деревня осталась далеко позади. Минутах в сорока, если ехать на машине со скоростью пешехода (ухабы ведь!) или в пятнадцати – если бежать впереди тетиного «жигуленка» на своих двоих.

На дорогу выскочил деревенский пацанчик, лет девяти, в грязной майке и огромных потертых джинсах, явно одол-

женных у старшего брата. Он небрежно махнул рукой, голося, и кинулся под колеса.

– Ч-черт, – шепотом ругнулась тетя, но проехать мимо не смогла. Пацанчик по-свойски распахнул дверцу, плюхнулся на переднее сиденье и базарным тоном потребовал:

– Теть, до города подвези!

От такой наглости тетя даже отпустила педаль тормоза, и машину стремительно рвануло вниз по дороге.

– Какой тебе годик? – спросила она, снова притормаживая.

Пацан шмыгнул носом, вытерся рукавом, и буркнул незнакомое слово:

– Пжалста...

– Один, без взрослых... – продолжала педагогические упражнения тетя Муза.

– Меня отец за чаем послал, – быстро сказал пацан, в надежде, что это подействует.

Тетя пожала плечами, за чаем так за чаем:

– Только пересядь назад.

Пацанчик оказался на редкость болтлив. За час дороги Толстый, Тонкий, Ленка и тетя узнали, что зовут его Федькой, что подсолнухи в этом году большие, что коза у них дура – дает нежирное молоко, и что он, Федька, болеет за «Спартак», хотя телека у них в доме нет.

– К соседям смотреть бегаю, – пожаловался он, – а те вредные, ужас! Как зайду: «Феденька, здравствуй, садись, уже на-

чинается!», как соберусь уходить: «Феденька, а ты в огороде не поможешь? Умаялись за день, поясницу так и ломит». Мне уж неудобно отказываться. – Он скорчил такую кислую мину, что стало ясно: ни один билет на футбол еще не обходился так дорого ни одному местному болельщику.

– Эксплуатация детского труда, – механически отчеканила тетя Муза. – Дался тебе этот футбол?!

Пацанчик всхлипнул что-то вроде: «Ну нравится», и смеялся тему:

– А вы тут отдыхаете? – Как будто и так неясно. Ему никто и не ответил, потому что вопрос был глупый. Тонкий решил поддержать пацана:

– Ищем новое место.

– Дикарями, что ли?

– Угу, – жалобно поддакнула Ленка. – Она все еще дулась. – Тетя хочет, чтобы мы как робинзоны, подальше от человеческого жилья...

– А хотите, я вам местечко классное покажу, – оживился Федька, – ни души!

Тетя кивнула: «покажешь», а Ленке вообще ничего не сказала, вопрос о дикарском отдыхе они обсудили еще в Москве. Из длинного тетиного монолога племянники поняли только одно: опера не переспоришь.

Машина свернула на асфальтовую городскую дорогу.

– Тебе до рынка?

– Ага, – буркнул пацан, вытирая нос рукавом (что за при-

вычка такая!) – И если можно, обратно. – Быстро выпалил он. – Я ж обещал местечко показать!

Тетя припарковалась у рынка.

Пацанчик первый выскочил из машины:

– Я вас отыщу! – И скрылся среди лотков.

Что может быть интересного в походе на рынок? Кричащие торговки, давленные помидоры, тяжелые баулы... Когда вся навьюченная, будто мини-караван, команда собралась у тетиного «жигуленка», Федька уже ждал, вальяжно развалившись на раскаленном капоте. «Как ему спину-то не жжет», – успел подумать Тонкий, прежде чем тетя любезно распахнула багажник: сваливай, мол, Санечка, свои сумки! Тонкий свалил (стало легче), тетя тоже, и Ленка скромно швырнула легенький пакетик (боялась надорваться, бедняжка). И вся компания дружно погрузилась в машину.

Тетя Муза с ходу взяла быка за рога:

– Что за место-то, Федь? До деревни далеко?

Федька опять вытер нос рукавом, громко шмыгнув при этом, и небрежно изрек:

– Пешком – минут сорок. На машине – дольше. И дикарей вокруг – никого.

– Там, что ли, завод по переработке ядерных отходов? – спросила циничная Ленка. Федька хохотнул:

– Не, просто местность такая: горы, пещеры, камни, заброшенные поля, до деревни опять же далеко... Вот никто и не хочет там отдыхать. – Он засопел, явно силясь вспомнить

незнакомое слово, и через пару секунд выдал:

– Рельеф не тот.

– А почему ты думаешь, что нам там будет удобно? – подозрительно спросила тетя Муза. Федька пожал плечами:

– Сами хотели подальше.

– Тогда почему сразу не в Турцию? – вмешалась Ленка.

– Могу не показывать...

– Нет уж, пожалуйста, покажи, – приказала тетя Муза. – А мы уж решим, подойдет оно нам или нет.

На том и договорились. Городская асфальтовая дорога кончилась так же быстро, как и началась. Машину скоро затрясло по глиняным ухабам, по низеньким, но прочным кустикам бессмертника. Интересно, можно бессмертником проколоть шину? Хотелось подремать, но поди попробуй, когда едешь, будто в центрифуге. Толстому, впрочем, удалось – крысы хорошо переносят качку, Ленке спать не хотелось – она купила батарейки и врубил плеер на полную (тетя не держала магнитолы в своем «жигуленке»), Федьке надо было показывать дорогу, тете – вести машину. Один Тонкий сидел и мучался, силясь хоть немного вздремнуть. Он закрывал глаза, но на следующем же машинном подскоке они распахивались, будто незастегнутые крышки чемоданов. Взору представляли чинары и поля. Тонкий злился, закрывал глаза, и все начиналось снова.

Подскоке, приблизительно, на сто пятом он сдался и обреченно уставился в окно. Вид успел перемениться. Чинар

прибавилось, прибавилось камней и ухабов на совсем уж раздолбанной дороге. Над машиной возвышалась гора, заваленная камнями, на ней – еще одна. Под машиной – еще гора, вернее еще развалины – куча валунов, нагроможденных друг на друга, коряво и ненадежно, как пирамидка, неумело собранная великанским ребенком. А под ней, уже совсем низко, плескалось море.

– Ну вот, – сказал Федька таким хвастливым тоном, как будто по меньшей мере устроил их в пятизвездочный отель Венеции. – Ни души! Можете подыскать себе здесь прекрасное местечко.

– Здесь?! – с ужасом взвизгнула Ленка. Ей вовсе не улыбалось остатки каникул скакать по валунам, как горной козе. Тетя Муза только бровью повела:

– Неплохо. Спокойно, главное. А несколько метров ровной земли для палатки как-нибудь найдем.

Тонкий только вздохнул. Если тетя сказала «Нормально», значит, нормально, спорить бес толку.

– Только вот что. – Федька вытер нос рукавом, шумно хлопнув. – Место потому и тихое, что секретное. Никому не говорите, что я вам его показал. Хорошо?

– Секретное – это как? – поинтересовалась тетя. – Здесь находятся ракетные установки Украины? Или военное училище проводит маневры, а?

– Не. – Зарделся Федька. – Мы с братом его сами нашли. Здесь рыбал-каа! – Он мечтательно закрыл глаза и развел ру-

ками, как будто показывая размер пойманной рыбы. – Вы уж, пожалуйста, никому. А то брат узнает и мне голову оторвет. – С братом разберемся, – пообещала Ленка.

Тетя быстренько нашла куда припарковать «Жигуль» (на средней горе, где камней поменьше), вытряхнула все из багажника и велела ставить палатку. Тонкий понял: она собралась везти Федьку домой, значит, вся операция по установке палатки на камнях ляжет на него. Ленка с Толстым не в счет. Сестренка будет ныть, что она устала, что это эксплуатация детского труда, и все равно сделает все не так. А Толстый... Крысы, конечно, очень умные животные, но ставить палатки абсолютно не умеют. У каждого свои недостатки.

Он сделал ручкой тете с Федькой (этот бесенок еще крикнул: «Я буду вас навещать!») и угрюмо уставился на гору тюков и камней. Толстый сидел на плече, не решаясь спуститься, а Ленка, даром что ныла больше всех, тут же помчалась обследовать территорию.

Собственно, если приглядеться, камней на средней горе не так уж много. Ну раз валун, ну два, три, десять. Вон ровненькое место для парковки, с которого только что стартанула тетя, оно, пожалуй, подойдет и для палатки, а там... Гора ведь не крутая и ровная, гора – раздолбанная, как большая, старая лестница. Правда, ступеньки – в два человеческих роста каждая. И во-н там, ступени на третьей Тонкий увидел нечто, похожее на пещеру. Нет, маленькие пробоины (толщиной с Тонкого) тут были везде. Но *там*, кажется,

была настоящая большая пещера, шириной с подъезд, глубиной... Не видно.

Ленка испарилась. Бросать вещи и бежать, как маленькому, смотреть на пещеру было глупо. Толстый уже сполз с плеча и с интересом ковырялся в сумках, которые они привезли с рынка. Тонкий раскопал тюк с палаткой и, ворча, начал устанавливать:

– Цени, крыс, на какие жертвы приходится идти ради твоей безопасности! – Но крыс не ценил. Найденная в одном из пакетов пачка печенюшек его интересовала больше палатки, и он целиком забрался в пакет, громко хрустя оттуда.

– Предатель! – рыкнул Тонкий, вбивая колышек в сухую крымскую землю. Ленка спускалась к морю, поскользываясь на больших камнях.

Тонкий ставил палатку второй раз в жизни (первый был этим же летом, когда они только приехали на старое место у деревни). Упрямые колышки не хотели вбиваться, шесты вечно падали. Он весь вымотался, соорудив нечто, отдаленно напоминающее палатку. Кривая она какая-то вышла... Ничего, тетя приедет – поправит. Всыплет, конечно, по первое число, что до сих пор не научился таким элементарным вещам, но поправит. Он быстренько надул один матрас (тетя с Ленкой пускай сами свои надувают), вытащил Толстого из пакета, забрался в палатку и растянулся там на матрасе, пристроив на пузо верного крыса...

Только прилег, называется! Снаружи слышался шум

мотора. «Нет, не «жигуль», – определил на слух Тонкий, – мотоцикл? Как он здесь проехал-то?». Пришлось высунуться. У палатки действительно стоял мотоцикл. Даже два. Димон и Сергей – Сашкины знакомые байкеры из деревни каким-то чудом нашли его новое пристанище. Наверное, Федька сам и разболтал. А еще канючил: «Не говори-те ни-кому!».

– Привет! – Разулыбался Серый, слезая с мотоцикла. – Значит, ты здесь теперь?

– Угу.

– Ты че, с дуба рухнул?

Тонкий, конечно, ожидал, что друзья-байкеры удивятся, узнав, что он променял такое удобное место у деревни на эти руины. Но не подозревал, что до такой степени. Он выбрался из палатки целиком, прижимая к себе верного крыса, встал на ноги и только тогда спросил:

– А что такого? Жить и на камнях можно...

– Он же не местный, – подсказал Димон. Серега понимающе кивнул:

– Не в курсах, значит.

– Насчет чего? – Не понял Тонкий. Когда тебя обвиняют в сдубарухнотости, а потом начинают обсуждать это между собой, согласитесь, стоит выяснить причину.

Димон и Серега переглянулись, посмотрели на Тонкого, как на первоклашку, и хором выдали:

– ЗДЕСЬ ЖЕ КЛАДБИЩЕ ДИКАРЕЙ!

Заявление было сильное: одно слово «кладбище» чего стоит. То, что здесь нет крестов, ничего не значит. На братских могилах тоже не ставят крестов (по крайней мере, так в песне поется), однако могилы есть, и их много. И камней здесь полно, кто сказал, что это не могильные?.. Хотя все равно не верилось.

Тонкий вытянул из палатки конец матраса, сел и потребовал разъяснений:

– Чего это оно «кладбище»? – Про дикарей решил пока не спрашивать: он тоже дикарь, мало ли что!

– А того! – Димон уселся напротив Тонкого прямо на земле, Серега – тоже. – Здесь, Санечка, люди пропадают. Дикари, ага. Вечером приедет семейка, палатку поставит, костерчик разведет, понаставит складных столиков – видно, в общем, что приехали надолго. А утром, самое большое, через день – ни людей, ни палатки.

– Как?

– А вот так. Сто раз уже так было. Куда отсюда люди пропадают, можно только гадать, но как они отсюда уезжают, никто не видит.

Толстый у Сашки на коленях почесал ногой в затылке. Тонкий не разделял его недоумения:

– Так нормально, Дим: здесь же место заброшенное. Никто и не видит, как люди уезжают. Странно, что приезжающих видят...

– В том-то и прикол! – оборвал его Серега. – Это место от-

лично видно с деревенского пляжа. Ну и деревенский пляж отсюда – тоже. Вон, смотри! – Он показал куда-то на море. Внизу под горой пляж был пустынным, а чуть левее... Нет, сильно левее, нет, почти перпендикулярно лагерю, далеко-далеко был другой пляж. Тонкий разглядел фигурки людей-муравьев в разноцветных пятнах купальников и плавок.

– Во! – Серега проследил за его взглядом. – И оттуда прекрасно видно: стоит здесь палатка или нет. Если она, конечно, яркого цвета. Так что, кто приехал, кто уехал, в деревне знают, будь спок!

Тонкий только хмыкнул:

– Может, людям просто здесь не нравится! Приезжают, как мы, отдохнуть от народа, местечко выбирают соответствующее, чтобы никого вокруг, а потом, к утру, что-то их...

– Именно! – оборвал Димка. – Именно к утру! Гоминид приходит по ночам...

– Кто?

– Саблезубый гоминид.

– Ты че, маленький?!

Нет, поймите правильно: молодой, подающий надежды художник и детектив Александр Уткин тоже недавно получил паспорт. Вот буквально минувшей зимой ему как раз исполнилось четырнадцать. Но если человек на полном серьезе рассказывает про какого-то саблезубого гоминида, который приходит по ночам и хоронит дикарей в камнях, то ему, согласитесь, паспорт иметь еще рановато. Он на нем солдати-

ков нарисует зелеными фломастерами или того же гоминида саблезубого черным карандашом. И будет не документ, а черт-те что с детскими каракулями. Объясняй потом в милиции, что человек еще маленький, еще рисует каракули на документах, верит в Деда Мороза и саблезубых гоминидов...

Димка не обиделся. Димка сказал:

– Да. – И уточнил: – Да, я маленький, как и вся наша деревня. Большие те, кто приехал сюда отдыхать и не вернулся. Лежат их косточки, небось, где-нибудь в пещере, такие большие-пребольшие...

– Покажешь? – ехидно спросил Тонкий.

Димон молча развел руками: что, мол, с неверующего взять!

– Жаль парня, – поддакнул Серега.

Тонкий на такой дешевый развод покупаться не собирался:

– Я пока еще не услышал ни одного убедительного аргумента. Если есть гоминид – покажите. Не его, а хоть косточки, которые он оставляет. А так...

Димон только плечами пожал:

– Никто не верит, а все пропадают.

– Угу, – опять поддакнул Серега.

Нет, господа, так беседы не ведутся! Тонкий уже начал сердиться: сидят тут, понимаешь, пугают, чем пугают – не говорят...

– Что хоть за гоминид-то такой, откуда взялся, можете

объяснить?

Байкеры переглянулись, и Сашка понял: объяснят. И на том спасибо!

– Есть такая легенда... – начал Димон.

– Она же – байка, – подхватил Серега.

– В этих пещерах, – Димон повел рукой, показывая окрестности, – живет саблезубый гоминид. Вроде снежного человека, только у нас тут снега мало бывает. И людей-то, вроде, не ест...

– Слава богу!

– Не перебивай. Но как все дикие животные, он территориален. Территорию свою пасет, охраняет от чужих. И если здесь поселишься – добра не жди.

– Загрызет, – обнадежил Серега.

– Или так выгонит, – успокоил Димон. – В любом случае, на этом месте вам не отдыхать, сто раз уж так было.

Тонкий чертил камушком на земле, переваривая информацию. Снежный человек, значит, местного разлива. Территорию он, видите ли, охраняет...

– Его кто-нибудь видел?

– Я – нет.

– И я нет. А бабульки наши только его и обсуждают, всякий раз, когда опять пропадет какой-нибудь дикарь. Каждая утверждает, что видела, только описывают его все по-разному...

Тонкому стало жаль парней. Нет, правда: живут в дерев-

не, телек и тот – не у всех есть. Скучно! Ленка, вон, через неделю взбесилась без компьютера, самой скоро гоминиды мерещиться начнут! А люди так живут всю жизнь, вот и развлекают себя, как могут. Хотя, с другой стороны, отсутствие телека – еще не повод пудрить мозги отдыхающим. Тонкий набрал воздуха и спросил:

– И вы в это верите?!

– Мы верим в то, что здесь пропадают люди, – оскорбился Димон. Видно было, что и в гоминида он верит, только признаться стесняется.

– В это трудно не верить, когда видишь собственными глазами: вечером человек приехал, а утром его и след простыл, – уточнил Серега.

– Так что, мы тебя предупредили, – подытожил Димон и кивнул Сереге на мотоциклы, поехали, мол, чего с ним разговаривать!

Меньше всего Тонкому хотелось портить отношения с байкерами. Во-первых, он здесь больше никого не знает (несознательный Федька не в счет, с ним будет особый разговор), во-вторых, они как-никак предупредили его об опасности... «Нельзя быть свинтусом», – сказал себе Тонкий и попросил:

– Подождите! – Байкеры синхронно замерли, задрав ноги над седлами мотоциклов. – Если я правда его встречу, что делать-то? Наверняка ведь есть какой-то способ борьбы, и все такое...

– Пристрели, – посоветовал Димон. – Или убегай, если стрелять не из чего. Тварь дикая, с ней не договоришься. – Он оседлал мотоцикл, Серый тоже.

– Бывай, художник! – крикнул Димон. – И поищи себе местечко побезопаснее!

Глава II

Гость

Тонкий сидел и слушал рев уезжающего мотоцикла. Такие дела. А он-то надеялся отдохнуть хотя бы недельку без агрессивных животных, старушечьих странностей и прочих вещей, способных испортить жизнь. Для этого тетя Муза есть, Тонкому хватит. Кстати, где она ездит до сих пор?

Чтобы отвезти пацана в деревню на закорках и с песнями – нужен час. Чтобы отвезти того же пацана в ту же деревню на машине без магнитолы – нужно полтора часа. Тетя легких путей не ищет, поэтому повезла Федьку на машине. Плюс – обратный путь... Ерунда, вернется. Тонкий не такой дурак, чтобы волноваться за старшего оперуполномоченного, но любопытно же, где она там застряла! И Ленки нет... И Толстого! Только что здесь был верный крыс, а теперь нету...

Тонкий вскочил, отметил, что уже темнеет, и подумал, не пора ли паниковать? Только что ему рассказывали, что здесь пропадают люди, и вот, пожалуйста... Так, нет, спокойно! За опера мы не волнуемся, она даже в канаву не заедет без спецподготовки. Спецподготовка у нее есть на все случаи жизни. Верный крыс наверняка отправился исследовать окрестности и знакомиться с местными полевыми. Ленка пошла купаться.

Тонкий подошел к самому краю горы, чтобы разглядеть пляж внизу. Пляж было видно так себе: половину скрывали каменистые неровности и пышные кусты. На пляже (по крайней мере, обозримой его части) Ленки не наблюдалось. А темнело стремительно! Красное солнце опускалось и опускалось в воду, да еще облака закрывали свет. Разом, как по команде, застрекотали цикады. Громко так, жутко... Хотя, что это я? Начинающего оперативника Александра Уткина не напугаешь крымскими кузнечиками и гоминидами. Ленку, кстати, тоже: если столкнутся Ленка и гоминид, еще неизвестно, кто кого переорет.

Тонкий нырнул в палатку, нашарил в рюкзаке фонарик и отправился вниз к пляжу, искать сестру. Тетя Муза вернется с минуты на минуту, а Ленки нет. Угадайте, кто за это получит, как старший и более ответственный?! Во-от. Так что, вперед, вперед на пляж, искать Ленку.

Мелкие камушки весело скатывались из-под ног, комья сухой земли ссыпались и летели вниз, к морю. Тонкий от души понадеялся, что у подножия горы никто не стоит. Это, знаете ли, неприятно, получить в лоб несколько горстей камушков и сухой земли. Несколько раз он здорово споткнулся, чуть не улетел кубарем вниз, на голову тому чокнутому, который, как Тонкий надеялся, не стоит у подножия горы и не ловит макушкой камни. Сине-зеленое море внизу темнело и приближалось. Смотреть на него, а не под ноги, все равно, что смотреть в пропасть, над которой висишь. В смысле, го-

лова закружится. Тонкий смотрел-смотрел, да и споткнулся опять, проехал на коленках метра полтора, но ничего, затормозил удачно, встал, пошел дальше. Кустики бессмертника царапали по разодранным коленкам, солнце садилось, земля осыпалась под ногами, в общем, жизнь продолжалась. А по морю шла лодка.

Маленькая, несерьезная, если смотреть с горы, она тарактила так, что в деревне, наверное, было слышно. Цикады почтительно замолчали, им слабо перекричать этот шум, Тонкий от неожиданности опять чуть не свалился, но и в этот раз ему повезло. Тарахтя и петляя, лодка причалила, Тонкий не увидел за чинарами, где. Спустился, наконец, и пошел себе по пляжу искать Ленку, не забывая, впрочем, оглядываться: где тот ночной лодочник, за каким кустом он причалил, куда направился? Любопытно же! Лодочник вышел из-за большого камня и, не замечая Тонкого, пошел по дорожке на гору. На их гору, на гору, где Тонкий с тетей и Ленкой разбили лагерь.

Тонкий проследил за ним глазами: ну и что? Это же не значит, что лодочник направляется к ним в гости! Да мало ли, что может понадобиться человеку на горе ночью! Может, он спортсмен и в воду собрался прыгать! Тонкий оглядел гору, пляж у ее подножия и решил, что немного ошибся. Неизвестно, что там понадобилось ночному лодочнику на горе, но то, что в воду он прыгать не будет – это факт. Потому что не допрыгнет: шмякнется пузом на песок...

Солнце уже село. Собственно, выбор у Тонкого не велик: или идти как маленькому, выслеживать ночного гостя, который, скорее всего, и не гость, а по своим делам пришел, или идти искать Ленку. Тонкий выбрал второе, о чем тут же пожалел.

Если у человека нет сестры, его не возьмут в космонавты. Честно говоря, таких неженков и в армию забирать не следовало бы. Они не смогут метать учебные гранаты, потому что никогда не перекидывались с Ленкой книжками и ботинками. Они испугаются взрыва, потому что не слышали, как визжит Ленка (а кто слышал, того никаким взрывом не испугаешь). Они не смогут простоять на посту до утра, потому что Ленка никогда не приходила по ночам к ним в комнату, чтобы намазать их пастой. Команды «Вспышка слева», «Вспышка справа» – вообще для них китайская грамота, потому что Ленка никогда не набрасывалась на них из темноты с криком:

– Гав!

Тонкий привычно вздрогнул, привычно поймал Ленку за шиворот и привычно повторил сотый раз за год (а за всю жизнь – наверное, миллионный):

– Если бы на моем месте была бабушка, она бы заработала инфаркт, и ты была бы виновата.

Ленка весело закивала и привычно ответила на привычное замечание:

– Вот поэтому я и пугаю тебя, а не бабушку, балда!

Возразить было нечего. Зато было что поворчать:

– Ты где ходишь? Ночь уже. Сейчас тетя вернется... Если еще не вернулась.

– Не бойсь, брат, не вернулась, – успокоила Ленка. – Я здесь такое место нашла: наш лагерь оттуда как на ладони. Идем покажу... Хотя сейчас уже темно, не увидим, наверное... – спохватилась Ленка.

Тонкий сразу понял, о чем она говорит: Димон с Серегой показывали ему с горы то место на пляже. Хотя сейчас, в темноте, на берегу он вряд ли его найдет. С горы-то одно дело...

– Покажи на будущее, – попросил он, не уточняя, на какое такое будущее, потому что и сам толком не знал.

– Идем! – Ленка схватила его за руку и потащила по песку куда-то в сторону.

Море шумело близко, иногда цепляя волнами за ступни. Ветер тут же нападал на промокшие ноги – бр-р! Холодно, противно.

– Тут далеко! – Ленка неслась вперед так, будто, по меньшей мере, собиралась показать инопланетянский корабль или, на крайняк, самого саблезубого гоминида. Песок прилипал к мокрым ногам, так что бежать приходилось с грузом. Но, к счастью, не так уж и далеко. Поворот, другой, волна под ноги, песок в сандалии, пара камушков, вылетевших из-под Ленкиных пяток, ударили по пальцам.

– Пришли.

Пришли-то пришли, а темно, ничего не видно. По крайней мере, здесь, на пляже. Тонкий не смог бы засветло повторить тот путь, который они проделали сейчас. Получается, зря теряли время?

– Ой, Саня! – Ленка дернула Тонкого за рукав и уставилась на гору. – Саня, это же наш лагерь!

Тонкий посмотрел, куда она показывала. На черной в ночи горе сиротливо мигала рыжая искорка костра. За костром торчал холмик палатки, их палатки, все правильно. А у костра сидела, сгорбившись, тень человечка-муравья. Тетя вернулась? Фигушки! «Жигуля»-то нету! Тонкий вглядывался в темноту, пока глаза не заслезились: нету «жигуля»! И сидит муравей не по-тетиному сгорбившись, оперуполномоченные так не сидят. Тем более, старшие. Он пнул Ленку в бок:

– Что-нибудь понимаешь?

– По шее получим, – беззаботно хмыкнула сестра. – Пошли скорее обратно.

Ничего она не понимает! Тонкий бежал за сестрой по мокрому песку (в школу пойдем, на физ-ру ходить не буду) и соображал: сказать Ленке сейчас или пусть удивится, когда придем? А вдруг там и правда этот гоминид саблезубый костерчик жжет, хозяев поджидает, чтобы схавать? Глупости, конечно, но... Скорее, тот лодочник решил заглянуть на огонек. Интересно, что ему надо?

Тонкий уже нагреб полные сандалии песку. Маленькая волна периодически накатывала и била по ногам. К мок-

рым ногам песок прилипал еще лучше. Не! Бежать, конечно, можно, но разговоры оставим на потом, а то выдохнешься раньше времени.

У подножия горы они остановились передохнуть, но ненадолго: Тонкому не терпелось попасть в лагерь, выяснить, кто там пришел. Так что две минуты – и вперед, в гору, волоча за собой упирающуюся Ленку:

– Я не отдохнула!..

Тот, кто сидел у костра, действительно меньше всего походил на тетю Музу. На чудище-гоминида или снежного человека он тоже не тянул, и Тонкий немного успокоился. Он не видел лица лодочника, может быть, он, может, нет. Непредрешенная Ленка сделала круглые глаза:

– Саня, кто это? Здравсьте...

– И вам здравсьте! – Незнакомец поднялся с бревнышка, на котором сидел (и когда притащить-то успел, у лагеря ничего подобного не валялось), и шагнул к ребятам.

– Ваш лагерь?

– Наш, – осторожно ответил Тонкий, лихорадочно сообщая, чего ему все-таки надо. Может, это его частная земля? Ну кому, скажите, придет в голову покупать *это* : горы, бессмертник, сухая земля, даже картошку не посадишь. А что тогда?

– Что же вы без присмотра палатку-то оставили? – Незнакомец продолжал расспросы. Тонкий пожал плечами:

– Здесь же вроде нет никого, до деревни вон несколько

километров...

Незнакомец кивнул:

– Одни?

– С тетей.

– Ну и хорошо. Я просто шел мимо, вижу: палатка бесхозная стоит. Вдруг, думаю, случилось что? Вот и решил дожждаться хозяев. Не обижайтесь на меня, ладно?

– За что? – хмыкнула Ленка, а Тонкий просто кивнул.

– Ну до свидания. – Не ответил незнакомец и пошел себе с горы мимо Тонкого с Ленкой, натываясь в темноте на мелкие камушки.

Тонкий первым делом плюхнулся на бревнышко у костра и разулся. Поцарапанные песком ступни саднило. Ленка так и стояла на дорожке:

– Что это было, Пух?

Тонкий хмыкнул, очищая ноги от песка:

– Тебе же сказали: шел человек, увидел бесхозную палатку, испугался, не случилось ли чего, и решил дожждаться хозяев.

– Он что здесь участковый?

– Не знаю.

Интересная мысль, Тонкому она в голову не приходила. Бывают ли участковые в ненаселенных пунктах, горах, например? Если да, то кого они там охраняют? Если нет, то, получается, преступники могут приходить на этот участок и творить, что им вздумается. Глупости какие лезут в голову

на ночь глядя!

Больше всего Тонкому хотелось самому поверить в легенду незнакомца, но маленькая нестыковка...

С моря слышался шум мотора: лодка. Шумная такая, тархтящая лодка, на которой незнакомец приехал час назад. Приехал и сразу пошел в гору, к лагерю. Дождался ребят и уехал. Это называется: «Шел мимо»? Или может быть: «Человек приехал по своим делам»? Не похоже.

По глазам ударил свет фар: тетя приехала! Вовремя Тонкий с Ленкой успели вернуться. Сашка мысленно поблагодарил незнакомца за разведенный костер, а то бы его самого сейчас заставили бегать, собирать ветки... Ура незнакомцу, кем бы он ни был: одно доброе дело сегодня сделано его руками. Сашке не надо разжигать костер самому.

«Жигуль» попетлял в камнях, попятился, потарахтел и, наконец, нашел место для парковки. Тетя выскочила, бодро хлопнув дверью:

– Уже костер развели? Молодцы! А я пока Федьку довезла, думала, убью либо его, либо машину. Дорога никуда не годится, а он еще под руку ноет: «Опаздываю, меня дома ждут»...

Ленка прищурилась, делая вид, что разглядывает машину:

– «Жигуль» цел. Жалко мальчика.

– Да, – не моргнув, ответила тетя. – Он слишком много болтал. Доставай котелок, давайте ужинать.

Обреченно вздохнув, Ленка полезла в палатку за котел-

ком.

Тонкий сидел, массируя пострадавшие ноги. Тетя это заметила. Лицо ее нехорошо вытянулось – значит, сейчас посыплются коварные вопросы. Положение надо было срочно спасать: быстренько придумать отмазку или отвлечь тетю каким-нибудь вопросом. Почему ноги в песке, когда тетя за-прещает купаться ночью, Тонкий не смог придумать за секунду. Пришлось спасаться вопросом:

– Скажи, что такое гоминид?

Тетя бросила красноречивый взгляд на запесоченные ноги, типа: «Не думай, что отвлек» и ответила:

– Вообще-то это ты. А почему спрашиваешь?

– Я? – не понял Тонкий.

– Я тоже, если тебе легче. А еще Ленка, ваши родители, петиكانтропы, австралопитеки и шимпанзе в зоопарке. Все человекообразные, понял?

– А саблезубые бывают?

Тетя издала короткий смешок:

– Я знавала одного пять лет назад, пока его не сводили к ортодонту.

Тонкий почти обиделся. Ну ходил он одно время с резиновой штукой на зубах, когда маме показалось, что они растут в разные стороны. Проехали же давно!

– Я серьезно.

– Если серьезно, то я не антрополог. Но могу тебе сказать, что если животное не хищное, то саблевидные зубы ему не

нужны. Разве что оно захочет разгрызть целый арбуз.

– А для обороны?

– Может быть.

Ленка притащила котелок, и они с тетей занялись ужином. На колени вспрыгнул Толстый: наконец-то нагулялся. В зубах он держал кожаный прямоугольник: бумажник или визитницу.

Тетя с Ленкой самозабвенно сыпали крупу в котелок. Тонкий отвернулся и потихоньку отобрал у верного крыса добычу. Отобрал, открыл... Визитница с визитками, вторая по бесполезности находка Толстого. Бесполезнее была только чья-то сломанная вставная челюсть, осенью на даче. А тут визитница с двумя десятками визиток. Хозяина не найдешь, это уж точно: попробуй позвонить по любому из телефонов на любой из карточек, там тебе скажут, что не обязаны помнить всех, кому давали визитки. Себе находку тоже не оставишь: кому нужны телефоны незнакомых людей!

– Дурак ты, Толстый! – Сашка сунул визитницу в карман. Скорее всего, ее обронил ночной гость, но где его теперь искать!

Через плечо на колени шмякнулся складной нож и банка тушенки – следом.

– Хватит отдыхать, давай открывай консервы.

– Есть! – по-военному ответил Тонкий.

Что поделаешь: некоторые неосознательные гражданки без

него даже ужин приготовить не могут. То есть, могут, конечно, но повоспитывать и показать власть всем хочется.

Как ужинали, как укладывались спать под командованием тети Музы, можно рассказывать и рассказывать. Не потому что долго (у нее не закопаешься!), не потому что интересно (упал-отжался – что тут интересного?!), а потому что наболело. Конечно, четырнадцать лет знакомства со старшим оперуполномоченным даром не проходят, но здесь на отдыхе, когда запаковываешься в спальник, а тетя стоит с секундомером, чувствуешь: наболело.

Глава III

Одна подземная королева

Тонкий лежал на своей половине палатки, огородившись кучей Ленкиных вещей, и думал, что ему еще повезло. Он здесь один, если не считать, конечно, Толстого, окопался за носками и купальниками. А по ту сторону купальниковой горы Ленка, под присмотром тети, будет притворяться спящей, пока на самом деле не уснет.

Толстый дремал, стоя на голове. Крысы так сворачиваются клубком: стоя на задних ногах, опускают к ним голову. Тонкий лежал и думал о Ленке: жалко ее. Думал-думал, пока не додумался вытянуть из горы вещей чей-то длиннющий носок и глянуть в щелочку. Вот спальник защитного цвета ровно вздымается и опускается в темноте – это тетя. Спит. А розовый спальник рядом такой плоский-плоский, что на скейте кататься можно. Ленка, конечно, похудела за каникулы, но не до такой же степени!

Это уже интересно! Тонкий не помнил, как уснул, зато хорошо помнил, как проснулся: от шороха в палатке! Проснувшись, повертел головой, не увидел ничего подозрительного и стал дальше лежать, пытаться уснуть и думать о Ленке. Скорее всего, это она и выходила, разбудив Тонкого. Прошло с того момента немало: минут сорок. А Ленки все нет! Нет,

господа, по ночным делам так долго не ходят, даже после тетиномузиной стряпни. Интересно, куда это сестренку понесло среди ночи?

Можно было бы, конечно, полежать и подумать над этим вопросом, но Тонкий предпочел действовать.

Самое трудное было бесшумно расстегнуть «молнию» спальника, Тонкий с этим справился. Сгреб в охапку спящего крыса (вдруг понадобится помощь) и выбрался из палатки. Ночь. Звезды, цикады. Ленки в округе не наблюдается. Тонкий пожалел, что не захватил фонарик, но возвращаться, шарить в рюкзаке над ухом спящей тети Музы было чревато.

Куда она могла пойти? Хороший вопрос для тех, кто не знает Ленку. Для тех, кто знает – тоже, потому что Ленка непредсказуема. Но для тех, у кого есть верный крыс «Где Ленка?» – это вообще не вопрос. Разбуженный Толстый висел у Сашки в ладони и недовольно перебирал лапами. Тонкий спустил его на землю и заговорщически прошептал: «Куси Ленку!».

А что, а ничего! Если у тебя и сестра, и крыса, то пугать одну другой время от времени приходится. Так, для профилактики. К тому же здесь и сейчас задача не в том, чтобы Ленку укусить, а в том, чтобы найти. Толстый, когда найдет, сам забудет, зачем бежал, искал, торопился... Он все-таки крыса, а не терминатор.

Крыса-а-не-терминатор сел на задние лапки, принялся, смешно шевеля носом, развернулся и почесал в гору. Тон-

кий – за ним. Впервые в жизни он пожалел, что крысы не носят ошейников. Сашка на четвереньках карабкался в гору за крысом и не поспевал. Дорожка в гору, может, и была, но крыс ее проигнорировал: ему не нужны такие излишества. Тонкому же пришлось несладко. Бессмертник, когда Тонкий цеплялся за него руками, норовил уколоть или вырваться из земли, лишив Сашку опоры. Земля же, понятно, вырывалась из-под ног и скатывалась вниз тяжелыми комьями. А что не скатывалось, то сползало медленно вместе с Сашкой, отдаляя его от цели. А крыс бежал себе впереди, он маленький, легкий, и ноги у него четыре. Хорошо хоть ночи в Крыму не слишком темные: Тонкий отчетливо видел мелькающий впереди крысиный хвост.

Толстый нырнул в какую-то щелку в горе и пропал. Ничего себе! Это он так Ленку ищет?! Сашка сел на землю (дали отдышаться – и то хорошо), отряхнул ладони от песка и позвал:

– Толстый! Тебе Ленку искать велено, эй!

И тут он услышал пение. Совсем рядом. То есть, буквально под землей, под самым Сашкиным мягким местом. Знакомый до боли голос блажил, как бригада пьяных грузчиков.

Выйду ночью в поле с козлом
В поле мы пойдем напроло-ом!
Ай-люли, ай-люли!
Полно ухо огур-цо-ов!

Песня Тонкому сразу не понравилась (не говоря уже о месте, откуда она доносится). Когда Ленка в хорошем настроении, она поет нормальным человеческим голосом нормальную нечеловеческую попсу. Такое же спонтанное творчество бывает у тех, кто либо психует, либо боится. Сашка заглянул в щелочку, куда нырнул Толстый, но понятно, ничего не увидел.

– Лен! Ты здесь?

В поле никого не видеть

В поле ночью ся-адем...

– Здесь. Сань, ты? Ты где?

Ну и что прикажете отвечать на такой вопросец, заданный из-под земли?

– Я-то наверху, ночью в поле, только холмистом и без козла. А вот ты где?

– Здесь, – тупо ответила Ленка. – Ой, Сань, я тебя вижу! Ой, крыса!

Тонкий облегченно вздохнул: верный крыс нашел Ленку и выполняет команду «Куси!» – карабкается по Ленке, как по дереву, цепляясь когтишками...

– Это Толстый, не бойся. Он тебя нашел.

– Теперь вижу, – каменным голосом ответила Ленка. – Ты вместо того, чтобы крысами травить, лучше бы вынул меня отсюда.

Вот она благодарность! Ищешь ее ночами, а она «Вместо того, чтобы крысами травить...» Да не в этом дело, как ее вытаскивать прикажете? В щелочку, в которую заскочил Толстый?

Только Сашка так подумал, как в эту щелочку на свет вылезла Ленкина фи́га и начала вертеться туда-сюда.

– Теперь и я тебя вижу, – механически отметил Тонкий. – Больше ничего не пролезает?

– Сейчас попробую! – Голос у Ленки был радостный. Еще бы: помощь пришла! Но вместо того, чтобы думать, как выйти, сестренка радостно валяла дурака. Фига убралась и на ее место вылезла другая фи́га – левая. Ну вот как этого человека из-под земли вытаскивать?!

– Тебя зачем туда понесло-то?

Фига вопросительно замерла и распалась. Рука сложилась в «уточку» и назидательно произнесла:

– Вытащишь меня – скажууууу! А не вытащишь – будешь сидеть здесь один, как дурак, и умрешь от любопытства.

Тонкий вздохнул. Вести с Ленкой переговоры – и так сомнительное удовольствие, а если она еще и забралась под землю «не-скажу-как-неизвестно-зачем», – вообще труба.

– Посмотри вокруг: выхода не видно?

Из-под земли послышался короткий смешок:

– Я, Санечка, уже второй час тут кружу. Могу продолжить, если тебе хочется.

Ничего себе!

– У тебя там лабиринт, что ли?

– Ага. – Беззаботно ответила Ленка. – Кружусь тут как Бекки Тетчер, а ты все спишь.

– Как одна подземная королева.

– Кто?

– Про семь подземных королей читала?

– Ну.

– Ну должна ж быть хоть одна королева-то.

Ленка притихла, но ненадолго. Потом решила:

– Не. Лучше вынь меня отсюда. Темно, страшно. Телека нет.

– Понял уже. – Оскорбился Тонкий. – От щели отойди.

– Слава аллаху, моему братцу пришла в голову дельная мысль! – Голос из-под земли не отдалялся.

– Отойди, мусульманка, блин!

– Отхожу, отхожу. Отошла.

Наконец-то! Тонкий сел на землю, ухватился за два куста бессмертника (колются!), прицелился на норку в горе и от души ударил по ней ногами. По земле пошла трещинка – уже хорошо. Тонкий поджал ноги и двинул еще раз...

– Осторожно, ты! Крот-мутант, скрещенный с экскаватором!

Судя по голосу и по длинному сложному слову «экскаватор», которое без запинки смогла выговорить Ленка, она получила на макушку солидный кусок сухой земли. Что ж, полезно иногда.

– Говорил «отойди!»

– Слушаю и повинуюсь.

Норка в горе уже тянула на солидную нору, лисью, не меньше. Для верности Тонкий ударил еще разок по бортам, расширил лаз.

– Годится! – Из норы тут же показалась жизнерадостная Ленкина физиономия, а за ней – и вся Ленка. Земли на макушку она получила – это факт, потому что даже в темноте было видно, что она вся ровного серого цвета.

– Мой герой! – Грязная, ровно серая, Ленка выскочила из норы и полезла обниматься.

– Отстань, ты грязная! – Это все, что Тонкий успел сказать, потому что в следующую секунду ребята кубарем полетели с горы. Толстый сидел у Ленки на голове с круглыми от ужаса глазами. Земля, бессмертник, мелкие камушки больно царапали голую спину. Тонкий пытался затормозить ногами и локтями. У него получилось, но не сразу.

– Вот теперь и ты грязный! – с удовольствием отметила Ленка, вставая и отряхиваясь. Тонкий только вздохнул.

– Ты расскажешь мне, наконец, чего тебя туда понесло?

– Да! – Ленка подняла указательный палец, как будто вспомнила что-то важное. – Надул нас Федька.

– В смысле?

– В смысле, место-то небезлюдное. Есть тут люди, и много. Я слышала голоса.

Тонкий отряхивался: надо же, какая трагедия, здесь, ока-

зывается, есть люди! Федьку надо привлечь к ответственности за дачу ложных показаний.

– Ну и что с того?... Подожди, где ты их слышала, когда? Причем тут пещера?

– Пошли купаться, – вдруг предложила Ленка. – Все равно без воды не отчистимся.

Тонкий с ней согласился. По шее они так и так получат, если тетя проснется среди ночи и обнаружит, что племянников нет. Так пусть она лучше думает, что они сбежали купаться, а не бегали как дураки, под землей за какими-то голосами. Они нашли тропинку и стали потихоньку спускаться к пляжу.

– Так где голоса-то, ты не сказала? Под землей, что ли?

– Ага! – спокойно ответила Ленка. – Вышла я ночью на улицу, отошла за лагерь метров пятьдесят, сижу себе в кустах, никого не трогаю. И слышу, прямо подо мной, под землей кто-то кричит: «Петруха!»

– Ничего себе!

– Ага. А из соседних кустов выскакивает этот Петруха и бежит прямо к горе. Нырнул в нее и пропал.

– Там пещера, что ли?

– Прикинь! Я выждала пять минут, чтобы он меня не заметил – и в пещеру, интересно же!

– И заблудилась, – закончил за нее Тонкий.

Ленка печально закивала, потом заметила, что они, наконец, пришли, и побежала к морю.

Волны ходили низкие, сестренка не раздумывая шагнула в воду, взвизгнула от холода, шагнула дальше и, наконец, плюхнулась в море целиком. Тонкий за ней.

– Мне непонятно одно, – отфыркиваясь, продолжала Ленка. – Что эти люди делают ночью в пещере? Да еще в таком лабиринте, а, Сань? Клад, что ли, ищут?

Хороший вопрос!

– Думаешь, мне понятно? Какие клады? Если бы это были археологи и вели раскопки, нам бы не позволили разбить здесь лагерь, да и работали бы они днем... Непонятно.

– И мне не понятно! – Ленка нырнула с головой, вынырнула, отфыркиваясь, подняла палец и, как Буратино, выдала: – Здесь какая-то страшная тайна!

Как ребятам удалось, вернувшись в лагерь, потихоньку нашарить в палатке полотенце, вытереться, лечь спать, не разбудив тетю – для Тонкого так и осталось страшной тайной. Оперуполномоченные – народ бдительный, спят чутко, и ускользнуть ночью без их ведома, а потом вернуться – редкая удача. Впрочем, Тонкий радовался недолго – отключился, не успев застегнуть спальник.

Глава IV

Детский сад

Сухие ветки, чинары на земле, конечно, колются, зато ты в тени, не на солнце. Если устроиться поудобнее, да умеючи вытянуть ноги, то и на колючках полежать можно. Ветки здесь растут низко-низко, в заросли чинар даже ползком не пробраться. Но если их выломать и постелить, получится маленькая палатка в тени сухих чинар с подстилкой из веток. И никакого тебе солнцепека.

Петруха вытянулся, отломал шипастую веточку, нависшую над лицом, подсунул под голову свернутую майку. Только ноги оставались на солнце, ну и пускай. Ноги не голова, им солнечный удар не страшен, а ожоги деревенских не берут.

Под локтем хрустнул панцирь виноградной улитки. Здесь в зарослях этих панцирей полно: улитки тоже не дуры, любят, где тенек. Петруха набрал горсть и прижал ко лбу – красота! Где-то здесь была бутылочка воды...

Дотянувшись через ветки, Петруха достал пятилитровую баклажку, отвернул крышечку и с удовольствием глотнул. Потом еще глотнул. Потом вспомнил, что он все-таки не крыса и рывкнул:

– Пацаны! Пить нате!

Работа на поле разом прекратилась, по ногам затопталось пацанье:

– Я первый!

– Нет, я, ты недавно пришел!

– А я ваще здесь с ночи!

Пацаны рвали друг у друга бутылку, пили и сразу убегали назад в поле. Мелкие, что им сделается! Детский организм крепкий, может по пять часов на солнцепеке впахивать, а потом прийти домой и еще столько же гонять в футбол. А вот Петрухе здоровье надо поберечь, вон уже круги перед глазами. Семеныч-буржуй еще покрикивает: «Ты работаешь хуже всех, мне про тебя рассказали! Выгоню на будущий год, так и знай!»

А что нам будущий год? На будущий год Петрухи уже здесь не будет, он в колледж поедет в Керчь. На первый год учебы он себе заработал, а там...

Шеф, он ведь только сейчас такой смелый, пока Петруха в деревне живет! А как за ворота, так и кончено! Сразу забегает, засуетится: «Петенька, у меня здесь клиент, ты не можешь?».

Только фиг ему, шефу. Не такой Петруха дурак, свою шею под статью подставлять. Травки нарвать – одно, если тебе к тому же четырнадцати еще нет, а вот торговля-распространение – это уже серьезно. Из колледжа попрут. Отцу скажут.

Отцу пришлось соврать, что Петруха работает в керченском шиномонтаже. А Федька-брат, дурак мелкий, нет бы

что поинтереснее придумать, сбрежал отцу, что тоже в город ездит, только почту разносить. Так отец его теперь в ночь не отпускает! «Нечего, – говорит, – ночью в городе делать, ночью почта не работает!» Раньше-то Федька в любое время гулял, где хотел, не докладывая. А как работать начал, так уже и нельзя.

Город. Город, город, там хорошо. Работы хватает без всякого шефа. Машины мыть всех берут или на заправку можно. Там толстомясые на «меринах», говорят, по десятке отстегивают только за то, чтобы ты вставил пистолет в бак. Лень им, видите ли, из машины выходить. А Петруха разве работы боится?! Он пока машина заправляется, может за просто колесо поменять! Нет, подольше, конечно... А все равно! Петруха и неполадку какую устранить может, батя его многому научил, а колледж еще добавит... Так через годик можно и в автосервис устроиться. Ну или хоть в шиномонтаж, они ж все рядом: где заправляют, там и чинят. Глядишь, и заметит Петруху мастер какой...

– Петя, Петя! – Егорка соседский подскочил, приплясывает, за штаны держится. Оболтус, только сегодня его взяли. А пацанье и радо поиздеваться над молодым! Армия, блин, для школьников! А Петруха командир.

– Петя, они говорят, на травку нельзя!

– Тебе что чинар мало?

– А там тоже травка!

– Ну и фиг с ней. – Подмигнул Петруха. Надо ж приобод-

рить пацана. Егорка соседский с бабкой живет. Один. Вдвоем, то есть: он и бабка. Его мать еще в коляске сюда привезла и в город укатила. Навещает, конечно. В запрошлом году приезжала, вся такая мелированная...

Петруха плюнул и понял что зря: неблагодарное это дело плевать там, где лежишь. Пришлось выламывать веточки, отодвигаться, а тут еще Егор.

– Ты это... Отойди от меня, слышишь!

Егорка отошел, на сколько успел: на два шага, ну что ты будешь делать!

Петруха чертыхнулся и выскочил из належенного местечка и тут же врезался в Аленку:

– И мне поддержи ширмочку, а?

Что делать: взял куртку, развернул, чтобы Аленку закрыть, сам отвернулся.

Ах сад мой, ах детский сад мой!

Аленку шеф долго не хотел брать. «Девчонка, – говорит, – разболтает всем». Хорошо, что здесь ее братья второй год работают: и Толян и Колька, они и попросили за нее. А как иначе-то? Бабка их, дура старая, второй год на пенсии, а все туда же: печень свою не жалеет. Про родителей Петруха не спрашивал: всю жизнь в деревне живет, ни разу не видел, чтобы к Аленке с братьями кто-то приезжал. Хотя, говорят, есть где-то.

Пацаны напились, бросили бутылку под ноги – и теперь гоняли в футбол. Мальки несознательные!

– Траву не мять! – рывкнул Петруха.

Санек пискнул:

– Это все они! – За что получил от кого-то подзатыльник.

Санек у нас особенный. У него отец шофер и мать парикмахерша, братьев-сестер – ноль. А Саньку, видите ли, компьютер охота. «Чтобы, – говорит, – самому заработать, а то неудобно мне кланчить у отца, я плохо себя вел». Вот так, значит.

А кто-то получит сейчас... Петруха рывкнул:

– Васек, завязывай драться!

Васек – Петрухин братец, вот уже третий год. Его взяли из областного детдома. Мать тогда сказала: «Очень уж на меня похож». Правда похож. Сейчас Петруха это особенно замечал, а, может, просто скучал по матери. На Васька иногда было жутко смотреть: те же глаза, те же волосы... Только мелкое все, потому что сам он мелкий.

Драться Васек не завязал. Петруха уже подумывал подойти, но быстро раздумал: Ванька ему сам такого отвесил! Правильно, не будет задираться!

Ванька, вообще-то, добряк, но в обиду себя не даст. Из любой воды сухим выйдет и тебя вытащит. Семеныч на Ваньку молится, даром, что парню уже девятнадцать: «Ну и что, что переросток, посмотрел бы я на того, кто тебя тронет».

Это правда. В драке Ваньке равных нет, он от любого удара увернется, и со спины кто подойдет – услышит. Особенно если кто не знакомый с Ванькой, так он во время драки еще

и ругается! Сам дурак, это ж такой ориентир! Ван ему с ноги прямо в ругало! Наш человек. Петруха однажды с Ванькой в пещере заблудился. Фонарик разбил – и все, ни зги не видать, куда идти – не понятно. Так Ван его за минуту вывел, еще ворчал: «Тоже мне заблудились». Вану легко говорить, он в темноте ориентируется как бог. Он там живет.

Петруха сложил куртку, крикнул убегающей Аленке: «Штаны подтяни!» и пошел выламывать себе новое место в тени. Сбегать, что ли, за пивком? У Петрухи в кармане на этот случай всегда есть записочка отца. Прошлогодняя еще, ну ведь даты там не проставлено. Только продавщица вякнет: «Какой тебе годик?» Петруха ей раз – под нос записочку. Толян иногда ее одалживает, говорит, что для бабки.

Глава V

Ловушка для пещерных жителей

Проснулся Тонкий, как водится, от криков:

– Елена! Подойди сюда! Ты выходила ночью?

– Нет, – соврала Ленка.

– А если подумать?

– Нет!

За что Тонкий уважал сестру, так это за умение настоять на своем. Только пока уважал, не заметил, как подошла его очередь получать на орехи.

– Александр! Вставай, хватит притворяться.

Сашка честно разлепил глаза и высунулся из палатки. Интересно, ему удалось проспять хотя бы час? Вернулись они с Ленкой не то чтобы поздно, а скорее рано. Тетя тоже рано встает, вот и считай...

– Ты ночью выходил?

– Нет, – отчеканил Тонкий.

– А кто же выходил?

– Никто.

– А кто выходил и опрокинул канистру? Пятьдесят литров, племянники, тут ночью слон гулял! Елена в любом случае хороша – никогда не завинчивает крышку как следует. Ночью канистру кто-то задел, она и опрокинулась. Это вся

наша пресная вода, племянники!

– Мы не выходили! – честно соврала Ленка.

Тетя оценивающе оглядела сперва Сашку, потом ее. ...А у кого-то волосы мокрые! Не успели высохнуть после ночного купания! «Значит, мы и часа не проспали», – грустно подумал Тонкий.

– Елена, а ты врешь.

– Нет.

– Нет? Значит, ты не врешь? – Тетя заложила руки за спину и принялась расхаживать мимо Ленки туда-сюда. – Ты не врешь, значит, врут твои волосы? Это они ночью оставили тебя и пошли купаться одни, по дороге опрокинув канистру. А ты спала, ни о чем не подозревая, лысая и невинная...

– Не знаю, – сдержанно ответила Ленка.

И тетя сдалась! Сдалась, не как опер, а как тетя, которую за две недели, наверное, уже достали эти двое недисциплинированных рядовых. Врут, ноют, в самоволку бегают, да еще и отпираются потом... А может быть, она сдалась из уважения к Ленкиному таланту отпираться несмотря ни на что.

– Ладно, диверсанты, – вздохнула она. – Я поеду в деревню за пресной водой. А вам, чтобы жизнь медом не казалась, поручаю вычистить до блеска котелок. – Он пнула ногой походный котелок, почерневший от нагара давно и навсегда. – Считайте, что это наказание вам обоим. Я сегодня добрая.

Взяла канистру и ушла к машине. Через минуту племянники увидели, как, тарахтя и стеная, удаляется по ухабам те-

тин «жигуль».

Ребята дождались, пока скроется из виду поцарапанный багажник, одновременно вскочили и побежали к пещере.

Не приснилось. Дыра в горе, заросшая бессмертником, кое-как замаскированная поваленной чинарой – вот она во всей красе. Тонкий затормозил на входе: было жутковато с разбегу нырять под землю.

– Что там, очередь в туалет? – осведомилась Ленка, дергая его за рукав. Тонкий посторонился, пропуская ее. Впереди – тупик, справа – тупик, поворот налево. Тонкий нырнул в темноту, сделал несколько шагов и уперся носом в каменную стену.

– Там внизу лаз, – сообщила Ленка. – Голову-то опусти! Я как туда нырнула, так и кружила несколько часов!

– Не пугай, – Тонкий присел и действительно нащупал лаз. – Лучше нитку притащи, а то будем кружить уже вдвоем. И фонарик, Лен!

– Слушаю и повинуюсь!

Да, иногда и Сашкина сестра бывает нормальной. Вместо того, чтобы ворчать «Тебе надо, ты и иди», она шустро развернулась, сделала несколько шагов, подпрыгнула на месте, пулей подскочила к Тонкому, зажала ему рот, столкнула в лаз и нырнула следом. Стало темно и больно: Тонкий здорово царапнул спину о камни.

– Шы што? – спросил он, как мог с зажатым ртом, глянул в окошечко лаза и вопрос отпал сам собой. Из стены напротив,

прямо из самой стены выбегали двое, натянув майки на голову. Они притормозили у выхода, оглянулись: все в порядке, и выскочили вон из пещеры. Все произошло так быстро, что Тонкий еще с минуту стоял с зажатым ртом, уставясь на пустую, освещенную солнцем стену. Все, что он успел разглядеть, – это белые майки, натянутые на головы, и маленький рост пещерных жителей. Наконец, Тонкий тряхнул головой, освободился и вылез наружу. Ленка за ним. Оба тотчас подбежали к той стене – чисто! Ни щелочки, ни двери... А вот! В стене была маленькая ниша, Тонкий протиснулся, сделал шаг и сразу стало просторно. Впереди чернел коридор. Нет, без фонарика туда лучше не заходить.

– Сань, ты где?

Тонкий вытащил из ниши руку, нащупал Ленкину майку и втащил сестру к себе.

– Вот они откуда вылезли! – сказала сама себе Ленка, а впереди тем временем появился свет.

Сперва Тонкому показалось, что на них идет поезд: два луча шли рядом, как фары. Сперва он вытолкнул Ленку, потом выскочил сам, пихнул сестру в знакомый лаз, нырнул следом, а потом уже понял: какой там поезд: два фонарика. Через пару секунд из ниши в стене выскочили двое, натягивая майки на голову.

– Они че, кругами ходят? – очнулась Ленка. – У них такая игра?

Тонкий ответил, что голову пришло:

– Да, на саблезубых гоминидов они не тянут.

– На кого?

Пришлось рассказать ей про саблезубого гоминида, про кладбище дикарей, про то, как байкеры уговаривали его поменять место...

Ленка вообще-то не трусиха, поэтому она завизжала и выскочила из пещеры не раньше, чем Тонкий закончил рассказ.

– Ты как хочешь, а я сюда больше ни ногой! – Схватила котелок и понеслась вниз, к морю.

– Дура, это ж байка! – Тонкий летел за ней вниз по склону и думал, что если бы он сам покружил ночью в пещере часика полтора, то, наверное, тоже бурно среагировал бы на новость про гоминида. Она, небось, в этой пещере нафантазировала себе черт знает что, про чудищ и подземных королей. А тут – пожалуйста, старший и как будто нормальный брат заявляет ей: да, Лена, есть здесь одно чудище, но ты не бойся, это байка...

У самого моря Тонкий все-таки догнал сестру.

– Ну Лен, ты чего как маленькая?! Эти двое, согласись, на чудищ не тянут. Да и Петруха – имя человеческое.

– У Фреди Крюгера тоже человеческое имя, – парировала Ленка. – Кроме шуток, Сань, полтергейст-то наблюдается.

– Какой?

– Ну... Канистра. Ее вечером закручивала тетя. И довольно плотно, скажу я тебе, закручивала. Я ночью хотела попить – крышку так и не отвинтила, понимаешь?

Тонкий понял только то, канистру опрокинули специально. Петруха? Зачем это ему, он и лагеря, небось, не заметил, поглощенный своими ночными делами в пещере. Сама тетя? А что: понадобилось человеку уехать ненадолго, а куда и зачем, племянникам знать не обязательно. Она и устроила спектакль с канистрой, благо поспособствовали Ленкины мокрые волосы. Кто не знает оперов и тетю лично: у них это запросто. Мало ли, какую такую секретную операцию, о которой племянникам знать не положено, готовит тетя! А тут – железная отмазка: вы опрокинули канистру, я поехала за водой. А сама... Нет, не подходит. Какие такие секретные операции в чужом городе, в чужой стране? Нет, господа, это не тетин участок. Не будет она здесь на операции ездить и канистры воды в землю выливать. Значит, все-таки не тетя...

– А те парни из пещеры – тоже полтергейст? – спросил Тонкий. – Петруха твой шел себе ночью, видит – канистра. Водички попил, а крышку не закрутил. Может, сам же и опрокинул.

– Ага! – возмутилась Ленка. – Ты стал бы пить в темноте на ощупь неизвестно что? Вдруг там, например, бензин?.. Не, Сань, вряд ли...

Тонкий не знал, что ответить. Ленка просто боялась – это и ежу понятно. Оклемается после ночи, сама поймет, что говорила глупости. А пока...

– Давай, Лен, котелок чистить.

Море плескало по ногам. Соленая вода, песок, если по-

стараться, то к утру, можно и отчистить проклятый котелок. Ленка была настроена менее оптимистично. Пошаркав по котелку пучком водорослей, вывалянных в песке, она заявила, что хочет успеть в школу к первому сентября, поэтому начинать чистку котелка сейчас не имеет смысла.

– В мае бы начали, тогда бы к школе управились. А сейчас бесполезняк, все равно не успеем.

– Не успеем – получим по шее, – вернул ее на землю Тонкий.

Ленка вздохнула и вновь вооружилась комком водорослей:

– Вечно ты так!

– Как?

– Помечтать не даешь.

Тонкий не понял, о чем она говорит. Если человек берет-ся чистить котелок в августе и хочет успеть к первому сентября, то он реалист, какие уж тут мечты! А если управиться к первому сентября человек и не мечтает...

– Ну чего стоишь, я одна работать должна?!

...То мечтает этот человек о том, чтобы всю работу сделали за него. Тонкий нашел себе такой же пучок водорослей, вывалял в песке. Чистить вдвоем один маленький котелок было и впрямь неудобно.

– Иди уже. Полчаса ты купаешься – я тру, полчаса – наоборот. Не отчистим, хотькупаемся.

Ленка, будто только этого и ждала, бросила водоросли и с

разбегу плюхнулась в море. Волны были солидные, сестренку тут же накрыло с головой и утянуло от берега.

Тонкий скреб. Ленка визжала, барахтаясь в волнах.

Из головы не шли пещерные жители и канистра. Теперь Тонкий точно знал: в пещере кто-то есть, по крайней мере, ночью. Не зря же байкеры предупреждали... А может, это они и разыгрывают, а? Уж очень подозрительным был их визит: только Тонкий приехал, сразу они нарисовались. Откуда узнали? Почему спешили?

Самое простое, что приходило в голову: байкеры банально решили разыграть Тонкого. Типа, раз ты такой крутой, начинающий оперативник, вот тебе и занятие: пойди туда, не знаю, куда, найди того, никто не видел, кого. А мы уж постараемся, поскачем ночью по пещере, поголосим, с канистры крышку открутим. Двое парней, которых Тонкий с Ленкой видели в пещере, только подтверждали его правоту. Если так, то установить их личности – дело плевое.

Сколько времени они купались, сколько чистили этот котелок, никто не засекал, потому что тети Музы рядом не было. Когда из-под черного нагара появились, наконец, серебристые стенки котелка, Тонкий подумал, что первое сентября уже близко. Когда с серебристых стенок сошла последняя черная крошка, Ленке смертельно захотелось в школу. Уроки, учителя, она была готова на все, только бы не видеть больше этот песок, эти водоросли, этот котелок. И чтобы те-

тя забегала в гости раз в месяц на полчаса. Ленка победно подняла над головой котелок как кубок и крикнула:

– Готово!

– Чего кричишь? – Тонкий валялся рядом на песке, купаться ему давно надоело. – Готово, значит, готово. Тетя, небось, уже давно приехала, можно идти в лагерь получать втык.

– За что, интересно? Мы все отчистили!

– Тетя найдет, за что.

Толстый сидел рядом на песке и пытался умыться. Он вылизывал передние лапы, ставил на песок и вылизывал задние. Пока передние стояли на песке, к ним прилипали песчинки, и все начиналось сначала...

– Пойдем, Толстый, втык получать! – Сашка взял его на плечо и пошел в лагерь. Ленка – следом.

– Как думаешь, который час?

Тонкий пожал плечами:

– Полдень точно есть, вон видишь, где солнце?

– Вижу: на небе.

Тонкий решил не спорить.

Тети в лагере еще не было, хотя часы на Ленкином плеере показывали половину третьего.

– Она что, в город за водой поехала? – удивилась Ленка. – Не могла в деревне колодец найти?

– Не пори чушь. Скорее всего, она правда поехала по другим делам, а нам сказала, что за водой.

– И какие, интересно, другие дела в чужой стране? – ехидно спросила Ленка.

– Мало ли! Бывшие однокашники у нее тут есть, как я понял...

Насчет однокашников была правда, и тетя этого не скрывала. Полмесяца назад она созванивалась с одним, когда Толстый и Тонкий напали на след банды браконьеров. Только тетя решила, что речь идет о наркотиках, и вытащила ни свет, ни заря однокашничка в поле с собакой-ищейкой. Надо ли говорить, что никаких наркотиков в фургоне с браконьерской рыбой собака не нашла? Тете, наверное, было неудобно. Вряд ли сейчас она решилась бросить племянников, чтобы вытащить однокашника на дружеские посиделки. Хотя... Надо же выяснить недоразумение!

– Да, Лен, скорее всего, она не за водой поехала. Нам же лучше. Отдыхай, пока дают.

И они стали отдыхать.

Тонкому не терпелось разобраться с пещерными жителями. Если это байкеры, то вычислить их – один момент. Пусть еще попробуют посмеяться над начинающим оперативником Александром Уткиным! Есть один хороший способ установить личности пещерных жителей. Только при условии, что ты с этими личностями знаком. Не знакомых можно засечь разве что случайно, но пусть сначала выяснится, что это не байкеры.

Тонкий покопался в своем рюкзаке, в тетимузином рюкзаке.

заке, там и там нашел, что искал. Еще и у Ленки попросил:

- Зеленку дай, плиз.
- Порезался? – участливо спросила Ленка.
- Нет. Хочу показать тебе саблезубого гоминида во всей красе. Точнее, во всей зелени.
- А если он рассердится? – тупо спросила Ленка.
- Тоже обольет меня зеленкой. Не тормози, Лен. Скоро тетя приедет.

Ленка еще поворчала на тему: «Придет серый гоминид и отхватит полбока», но за зеленкой пошла. Конечно, она догадалась, что затеял ее брат – нетрудно узнать человека за тринадцать лет знакомства. Покопалась в сумке, выдала Тонкому два пузырька, да еще и пожаловалась:

- Маловато. Аптечка в машине вместе с машиной и уехала.

Тонкий к тому времени уже закончил мастерить бумажную бомбочку. Нет, краски здесь не подойдут: акварель хорошо смывается, масло может запросто высохнуть, пока висит в бомбочке под потолком. А зеленка – вещь хорошая. С волос и кожи смоемся не сразу, дня за три. За это время Тонкий успеет найти в деревне байкеров и хорошенько рассмотреть их зеленые физиономии. По шее, конечно, получить придется, но что поделаешь, начинающим оперативникам иногда приходится идти на жертвы.

Тонкий развел зеленку водой, залил все в бомбочку. Бомбочка из плотной бумаги, сама не размокнет и не разорвет-

ся, пока не упадет. Укрепил ее на леске под потолком пещеры. Далее – несложная система блоков – выступов на стене и хвост лески – под ногами. Споткнешься о него – получишь на голову четыре пузырька зеленки. А Тонкий утром пойдет в деревню и посмотрит, кто здесь пещерный житель, а кто так в огороде копается.

Ленка оценила конструкцию и, как всегда, испортила всю лафу:

– Да, брат, если тете вздумается приспособить эту пещеру под ночной сортир – я тебе не завидую.

Тетя, кстати, до сих пор не вернулась.

Сидеть вдвоем и ждать тетю – занятие скучное, не то слово. Игральные карты, которые захватила с собой предусмотрительная Ленка, Толстый давно растащил-попрытал по всей палатке (крысы любят бумагу, особенно тузы), так что играть было невозможно. Слушать плеер вдвоем, сидя рядом, как два истукана, быстро надоело. Всякие города и шарады достали брата с сестрой так давно, что и вспоминать не хочется.

Тонкий вытащил мольберт и, скрепя сердце, принялся рисовать сестру. В сто первый раз за последний год, в миллионный за всю жизнь. Сидеть смирно за все это время сестра так и не научилась, дома Тонкий предпочитал рисовать более спокойного дедушку. Здесь выбора не было, хорошо хоть Ленка в этот раз на фоне моря – уже разнообразие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.